

ББК 86.210.0

В.В. Пасечник

Идея народа-богоносца как характерная черта русской религиозной философии

V.V. Pasechnik

The Idea of God's People as a Characteristic Feature of Russian Religious Philosophy

Рассматривается характер русской ментальности и его развитие в русской религиозной философии. Ставится вопрос о целостном духовном восприятии как парадигме русского сознания.

Ключевые слова: синкретизм, эклектика, экзистенциализм, русская идея, кризис, духовность, православие, христианство, мессианство.

В настоящее время очень важной представляется проблема национальной идентичности русского народа, его места в мировой истории и культуре. В данной статье нами в качестве цели предложено определение идеи народа-богоносца как ключевой ментальной единицы и парадигмы русской философии серебряного века. Эта идея должна вполне объяснять мессианскую роль православной культуры, объединяя и завершая историю и метаисторию.

До середины XIX в. духовное самоопределение России не представляло собой приоритета в исследовательских работах. Европоцентристский взгляд на культуру навязывал снисходительное отношение к исконным русским традициям. Русская культура, лишенная романтического флера в глазах просвещенной части российского общества, выглядела варварской, бесплодной, лишенной европейской созидательной энергии. Исключение составляла духовная сфера: православная идея по-прежнему играла важнейшую роль в российской культуре. Вопрос о самосознании русского народа нивелировался.

Первый серьезный толчок «русский вопрос» получил в первой половине XIX в. Отечественная война, триумф русского оружия над непобедимой Наполеоновской Францией подтолкнули людей к переосмыслению истории и специфики российского народа. Тогда впервые был поставлен вопрос о постижении «загадочной русской души».

Парадоксальность успеха России, не имеющей в себе безусловного творческого потенциала, которым, по господствовавшему тогда мнению, обладала Европа, породила длительную и сложную дискуссию в российской философии.

Следующий мощный стимул данный вопрос получил в результате событий, наступивших после окончания Первой мировой войны. Кризис духовности,

The research paper views the issue of idea of God's people and its development in Russian religious philosophy. A question of holistic spiritual perception as a paradigm of Russian consciousness is roused in the article.

Key words: syncretism, eclecticism, existentialism, Russian idea, crisis, mentality, orthodoxy, Christianity, messianism.

ряд социальных потрясений, революции подтолкнули русских религиозных философов к истолкованию этой проблемы с позиции экзистенциализма. Данный подход был призван охватить круг проблем, противоречий русской культуры и, как следствие, прийти к объяснению ее духовного потенциала.

Центральное значение в вопросе самоактуализации русского стала так называемая русская идея. Впервые этот термин предложил Федор Михайлович Достоевский. Николай Бердяев сформировал представление о «русской идее» как о важнейшей этнокультурной парадигме, определяющей менталитет народа. Проблемное поле русской идеи Николая Бердяева составляет диалектика дионисийского, языческого, гедонистического и православного, надприродного. Согласно этой точке зрения культура России — дионисийская, варварская, женская, которая существует в ожидании своего «жениха» [1].

Достаточно точно эклектичную русскую ментальность выражает образ Святого Христофора, пользующийся особым почтением среди старообрядцев. Вышедший из язычества (первоначальное его имя, согласно легенде, Репрев — «отверженный», «дурной»), он стал одним из первых ревнителей христианской веры. Его облик подчеркивает двойственность русской ментальности — в древнерусском каноне он изображается как великан с собачьей или волчьей головой. Стремление к очищению и покаянию встречаются в русской натуре анархию, демонизм, почти животный витализм. Святая сущность, созданная по образу и подобию, сочетается с монструозным неокультурным началом. Так выглядит возлюбленный русскими религиозными философами «народ-богоносец». Задача культуры для русского народа, таким образом, — преодоление языческого начала через духовный рост, через мессианскую идею. С этой точки

зрения всякая перспектива, всякий путь, отличный от духовного подвижничества, приведет к духовной и нравственной деградации и повлечет за собой возврат к монструозному существованию.

Феномен российской духовности заключается в том, что названные противоречия не только не приводят к распаду русской культуры, напротив, они воспринимаются в некоей неразрывной связи, в едином диалектическом механизме. В качестве причины этого феномена Бердяев называет русскую духовность, выраженную в православии.

Прививка европейской духовности на российской почве до конца не состоялась. На протяжении многих десятилетий эта противоречивая ситуация сохранялась. Православие являлось последней истинно русской чертой российской интеллигенции. Грубая, бюрократическая Европа была не в состоянии духовно оплодотворить Россию. Переняв у нее многие аспекты общественной жизни, науки, Россия сохранила свою самобытность. Православная традиция определила развитие русской философии.

Согласно положениям русской религиозной философии православие играет ключевую роль и в культурной самоидентификации славянских народов. И Достоевский, и Бердяев не считали народы, исповедующие католичество, частью славянской общности. Славянский мир, по их мнению, держится исключительно на православии, а значит, центром славянского мира должна стать Москва — Третий Рим.

Один из видных русских философов Василий Розанов в своем труде «Размолвка между Достоевским и Соловьевым» так описывает свою дискуссию с Николаем Страховым о природе православия в культурной самоидентификации русского народа: «Наша вера настоящая, в ней нет морального лукавства, ни умственных художеств, а простое и смиренное отношение к Богу. Молитва наша теплая, а упование несокрушимо. Словом, кто наблюдал внимательно «сущность русской веры», заметил или заметит, что она неотделима от „сущности верующего русского“ и что смиренная-то фигура последнего, а не догмат, и составляет „отличие православного вероисповедания от инославных“. В сущности, даже богословские рассуждения „о разделении церквей“ имеют нравственным под собой пафосом чуть ли не это же „разделение племен“ и бесконечное восхищение каждого к своему племени в его „коренных чертах“. Коренная черта русского, „а, следовательно, и православия“ — смирение» [2].

Бердяев предсказывает создание царства Антихриста в качестве одного из последних этапов человеческой истории. Этот этап, таким образом, станет переломным в развитии человечества. По мнению Бердяева, уже существуют народы — носители антихристианской культуры, дьявольской морали, каковыми он считает Китай и США.

«После ослабления и разложения Европы, — пишет Бердяев, — и в России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы» [3].

Еще Владимир Соловьев, рассуждая о современном ему обществе, говорил, что «...есть равенство нищеты, а свобода очень часто является как свобода умереть с голоду». Существование мира и человека в атеистическом мировоззрении представлялось ему случайностью без смысла и цели. Духовные вопросы подменены вопросами социальной справедливости, общественного равенства: «...исключительное погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества» [3].

Д. К. Ахтырский, анализируя эсхатологические предчувствия ряда религиозных философов (главным образом В. С. Соловьева) и проводя параллели с настоящим днем, фактически характеризует США как первую цивилизацию дьявольских людей: «Первое и абсолютно необходимое условие для воцарения Антихриста — объединение мира на бездуховной основе. Основным проводником бездуховной идеологии, навязывающим ее человечеству, в политической сфере являются Соединенные Штаты Америки. В мире действуют и другие негативные силы, такие, как радикальный исламизм, но их мощь не идет в сравнение с мощью — экономической и военной — Соединенных Штатов» [4].

Такое развитие событий предсказывал Н. В. Бердяев, описывая грядущую катастрофу, религиозную и политическую, возникновение царства Антихриста. В настоящий момент культура США активно воздействует на общественную и духовную жизнь России и большинства других стран. Фактически процесс глобализации осуществляется на основе американской культуры. Американская духовность обнаруживает ряд противоречий с православием. Эгоцентризм, стремление к материальному обогащению, либерализм в ряде вопросов однозначно осуждаются христианской моралью.

В России же события происходили и происходят несколько иначе, и рефлексия катастрофы в мировоззрении русских философов отличается. Европейский экзистенциализм не называет ничего, что могло бы противостоять энтропии. Это нечто утрачено западной духовностью навсегда. Христианство в лице католичества потерпело на Западе сокрушительное поражение, Европа не смогла предложить ничего, что могло бы заполнить образовавшуюся духовную пустоту. Говорить о здоровом религиозном мышлении в отношении западного человека XIX–XX вв. нельзя. Если рассматривать в этом русле российскую духовность, обнаруживается очень важный фактор «противодействия» энтропии — это православное синкретичное сознание.

В. Н. Муравьев в своем труде «Рев племени» дает яркую и содержательную характеристику целостному сознанию: «Изначальная целостность эта была силой древнерусского человека. Она направляла все его поступки. Он целостно молился, целостно любил и ненавидел, целостно строил и разрушал. И вся древнерусская культура носила отпечаток этой цельности. Власть в области государственности, Церковь в области соборной духовной жизни, подвижники в области личного духовного достижения были произведениями этой целостности. Русский народ не знал вовсе отвлеченных понятий, плодов оторванной ответственности. Не случайна, но полна глубокого смысла была привязанность его к обрядам» [5, с. 4].

Для синкретичного сознания экзистенциализм дает в целом оптимистичный прогноз. Так, немецкий философ Мартин Бубер в своей книге «Я — Ты» описывает диалог, который ведется «всем существом» в некоем едином духовном пространстве (для обозначения которого Бубер использует полинезийское до-религиозное понятие «мана») [3, с. 16–92]. Таким образом он предполагает существование сознания, характера мышления, которое было бы способно на такой диалог. Русский экзистенциализм видит возможность подобного диалога в православном религиозном опыте. Именно поэтому Бердяев считал, что в мире совершившейся катастрофы только у России как у носителя идеи духовной целостности есть некий потенциал к спасению.

Идею народа-богоносца можно сформулировать, используя модель отношений Мартина Бубера, лишь скорректировав категориальный аппарат. Под единым духовным пространством мы понимаем здесь Бога, Всевышнего в христианском понимании. Духовной миссией России как культуры — но-

сителя целостного сознания является восстановление утраченной связи со Всевышним. Бог, таким образом, имманентно присутствует в носителях православной веры. В. Н. Муравьев характеризует этот феномен так: «Корни древнерусского действия и всего мирозерцания, его обусловившего, — в православии. Внутренняя сущность православия — в его самодовлеющей полноте. Католичество — твердая скала, поддерживающая человека извне. Православие — мягкая волна, пронизывающая его и вместе с тем окружающая со всех сторон. Католичество все режет, православие все проникает. Дух православия есть дух всеобъемлющий. Оно не знает разделения и отделения» [5].

В этом и заключается ее функция противодействия античеловеческой цивилизации. Если Россия к этому времени обретет достаточные силы, она исполнит свою мессианскую функцию. Об этом грядущем событии прямо говорится в текстах Николая Бердяева: «Во всем мире, во всем христианском человечестве должно начаться объединение всех положительных духовных, христианских сил против сил антихристианских и разрушительных. Я верю, что раньше или позже в мире должен возникнуть “священный союз, всех творческих христианских сил, всех верных вечным святыням» [3].

С точки зрения русской религиозной философии Россия располагает потенциалом, достаточным для воплощения в жизнь идеи народа-богоносца, — творческий потенциал, целостное сознание, не отделимое от высшего духовного начала. Возможно, этой целью исчерпывается сущность русской идеи, а значит, глубинное понимание менталитета русского народа, его духовной основы приблизит нас к разрешению одной из важнейших задач современной философии.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Электронный ресурс]. — URL: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-rusidea.html>.

2. Розанов В. В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html>.

3. Бердяев Н. А. Судьба России [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>.

4. Ахтырский Д. К. Владимир Соловьев и Даниил Андреев: пророчества об антихристе и современность // Материалы Междун. конф. «Россия и Европа в XXI веке и наследие В. С. Соловьева» (к 150-летию со дня рождения), 11–12 апреля 2003 г. — Вып. 6 [Электронный ресурс]. — URL: <http://calabaxa.narod.ru/Ahtyrsky/antihrist.html>.

5. Муравьев В. Н. Рев племени [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/muravev.html>.